

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Н. САВЧЕНКО

ЯЗЫК И СИСТЕМЫ ЗНАКОВ

1. В последний период в советском языкознании широко распространилось восходящее к де Соссюру мнение о том, что язык есть система знаков. Из этого исходного положения должен следовать вывод, что правильным подходом к изучению языка, который может раскрыть его сущность, является только подход семиотический, а социологический не соответствует природе языка, поскольку знаковые системы как технические средства, созданные людьми (если не включать в них сознание), вряд ли можно отнести безоговорочно к числу общественных явлений. Многие по существу так и думают. Некоторые наши ученые указывали на то, что в действительности этот вопрос гораздо сложнее, что только звуковая сторона языковых единиц может быть признана знаковой, да и то — в особом смысле¹, что слова существенно отличаются от знаков², что слово есть единство знака и значения³, но эти замечания остались без последствий. В этом отношении показательна книга «Общее языкознание», выпущенная в 1970 г. Институтом языкознания АН СССР и, следовательно, призванная отразить взгляды, характерные для советского языкознания.

В этой книге указаны глубокие и очень важные отличия языка от знаковых систем. Отмечено, что «специфика языковых знаков создается прежде всего тем, что естественный язык служит средством познания объективного мира и организации речемыслительной деятельности человека» (стр. 135), что «принципиальная безграничность поэтического поля языка (и связанная с этим неограниченная способность к бесконечному развитию и модификациям) представляет наиболее существенным качеством, присущим любому известному или неизвестному нам языку» (стр. 152), и многое другое, а особенностям языка, связанным с его способностью развиваться стихийно, по объективным законам, посвящен даже целый раздел главы второй «Специфика языкового знака (в связи с закономерностями развития языка)»; но эти свойства языка авторы считают также знаковыми и продолжают утверждать, что язык есть только система знаков.

Такое утверждение может быть правомерным в том случае, если данные отличия языка от других знаковых систем несущественны и не выходят за пределы понятия знака. Но если язык признается средством познания объективного мира и организации речемыслительной деятельности человека, то эта особенность его является очень существенной и выходит далеко за пределы знаковых систем, поскольку знаки только обозначают что-то и тем самым служат средством передачи информации, но не формируют по-

¹ См.: Л. О. Резников, Понятие и слово, Л., 1958, разд. 6.

² См.: В. А. Звегинцев, Проблема знаковости языка, М., 1956; ср.: его же, Очерки по общему языкознанию, М., 1962, гл. I, 1.

³ См.: Т. П. Ломтев, О природе значения языкового знака, «Вопросы филологии», 1960, 7.

ятий и всего содержания информации. Оттого что словесный знак формирует понятие, последнее становится неотделимым от него и образует вместе с ним единство, называемое словом. Это признают и авторы «Общего языкознания»; они пишут о нерасторжимости означаемого и означающего в языковом знаке (стр. 181) и нигде не выводят семантическую систему за пределы языка. Но ведь эта особенность слова, вернее — сущность его, несовместима с понятием знака. Сущность знака состоит в том, что он что-то обозначает, т. е. в сознании людей является как бы заместителем чего-то иного, находящегося вне его. Из этой сущности следует, что означаемое знака не может быть составным элементом его самого. В «Общем языкознании» проявлено колебание в этом вопросе. На стр. 112 автор раздела А. А. Уфимцева пишет: «Второй характерной чертой любого знака вообще, а языкового в особенности, является его двусторонняя природа. Так, в системе регулирования уличного движения при помощи светофора..., зеленый свет может быть рассмотрен как форма знака, которой соответствует в пределах этой системы определенное содержание, значимость „проезд, движение разрешено“». Здесь автор не учел того, что разрешение движения не может быть элементом знака потому, что оно существует до знака и независимо от него. Знаком является не разрешение движения, а только зеленый свет как показатель этого разрешения. Еще яснее можно видеть одностороннюю природу знака на примере символов. Так, в Советском Союзе изображение скрещенных молота и серпа является символом союза рабочего класса и крестьянства, но идея этого союза существует до данного символа, независимо от него и не может считаться составным элементом его. Конечно, изображение скрещенных молота и серпа является знаком только потому, что в сознании людей оно соотносится с данной идеей, но это не значит, что сама идея есть сторона знака. Стороной знака можно признать его соотносительность в сознании с идеей, и в этом смысле можно было бы говорить о двусторонности его, но это совершенно иная двусторонность, чем в слове, и во избежание путаницы не следует пользоваться таким двусмысленным термином. Однако и А. А. Уфимцева готова, в известных пределах, признать знак односторонним: «Следовательно, в простейших семиотических системах, представляющих собой чисто конвенциональные построения, знаки представляют собой некую физическую данность, материальный (визуальный или акустический сигнал) предмет, стоящий чисто условно вместо другого. При такой чисто механической и условной связи означающего и означаемого, при однозначном их соответствии друг другу знаки этого типа допустимо считать односторонними, где форма знака может служить „знаком“ чего-то» (стр. 115). Как увидим дальше, это верно по отношению ко всем знаковым системам, потому что во всяком знаке форма его служит «знаком» чего-то.

Очевидно, что если язык имеет свойства, чуждые знаковым системам, то вопрос о его знаковости не может решаться так просто и требует дальнейшего исследования. Прежде всего нужно установить, какие единицы языка можно иметь в виду, когда речь идет о языковых знаках.

В первую очередь знаками могут быть признаны слова, поскольку они имеют вполне определенные значения. Фонемы ничего не обозначают и, следовательно, не являются знаками. Их можно называть, следуя Л. Ельмслеву, фигурами плана выражения, или, еще лучше, по С. К. Шаумяну, — диакритическими элементами. Морфемы имеют значения, но только в составе слова, притом не всегда ясные и нередко только в сочетании с теми или иными дополнительными показателями значения (место ударения, тон, огласовка корневой морфемы и др.). Только корневая морфема, если она может быть и отдельным словом, имеет определенное, самостоятельное значение. Значения же аффиксальных морфем не только несамостоятельны,

но нередко неопределенны. Только в агглютинативных языках некоторые аффиксы имеют настолько выразительные и постоянные значения (например, в тюркских языках суффикс множественности *-лар*, глагольный суффикс прошедшего времени *-ган/-ген*), что приближаются по своей функции к отдельным знакам. Аффиксы же флективных языков не обладают такой определенностью. Нельзя, например, сказать, — что обозначает русская морфема *-ы*. Она может быть признаком формы родительного падежа единственного числа, но во многих случаях (однако, не всегда) для этого нужно еще, чтобы на нее падало ударение, а главное, родительный падеж — это не значение, а только название определенной формы слова, а значения у нее различны и в некоторых случаях трудно определимы, например, *лишился квартиры* (но приобрел квартиру), *боится славы* (но радуется славе, наслаждается славой), *три сестры*. А если данный элемент слова не обозначает ни понятия, ни представления, ни какого-нибудь элемента действительности, то он является скорее диакритическим элементом, чем отдельным знаком. Безоговорочное признание морфем знаками привело Н. Д. Арутюнову к тому, что она не считает знак функциональной единицей языка⁴, что противоречит ее определению языка как знаковой системы (ведь единицами знаковой системы могут быть только знаки). Следовательно, морфемы не могут безоговорочно признаваться отдельными знаками. Они занимают промежуточное положение между знаками и диакритическими элементами.

По мнению Л. Ельмслева, «мы не можем считать, например, что существительное более значимо, чем предлог, или что слово более значимо, чем словообразовательный или словоизменяющий аффикс»⁵, т. е. всякое значение в языке полностью контекстуально, ситуативно, но эта точка зрения исходит из отрицания существования и познавательной силы понятий и при материалистическом подходе не может приниматься во внимание.

Кроме слова, несомненным отдельным знаком может считаться неразложимое фразеологическое сочетание, поскольку оно имеет единое значение. Итак, нужно выяснить, являются ли знаками слова и неразложимые словосочетания.

2. Не подлежит сомнению, что звуковая сторона слова является знаком. Остается спорным вопрос о том, является ли знаком слово в целом, поскольку оно есть единство звукового комплекса и значения, а значение есть элемент сознания.

Высказывалось мнение, что элементы сознания (понятия, образы и т. д.) также являются знаками. В советском языкознании это мнение выразил В. Н. Волошинов в 1929 г. в книге «Марксизм и философия языка» и в настоящее время его поддерживают А. А. Уфимцева и Н. Д. Арутюнова. В книге «Общее языкознание» А. А. Уфимцева сочувственно цитирует мысль В. Н. Волошинова, о том, что «все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто, вне его находящееся, т. е. является знаком. Где нет знака, там нет идеологии», и добавляет от себя: «Наряду с предметной действительностью — вещами, явлениями, их отношениями, существует мир знаков — идеальная действительность, которая представляет собой отражение, своеобразное (часто с искажениями, преломлениями) обозначение первой» (стр. 106—107). Итак, идеальное отражение предметной действительности, т. е. сознание людей, есть мир знаков. А Н. Д. Арутюнова в статье «О минимальной единице грамматической системы» пришла к вы-

⁴ «Общее языкознание», стр. 181—182.

⁵ Сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 304.

воду, что язык представляет собой соединение двух знаковых систем: одна из этих систем состоит из звуковых знаков, которые обозначают понятия, а другая — из понятий, которые обозначают предметы и явления действительности⁶. В общем и целом на этой точке зрения стоят также В. В. Иванов и В. Н. Топоров. В книге «Славянские языковые моделирующие семиотические системы» они рассматривают верования древних славян, их понимание мира как семиотические системы, причем человека трактуют как устройство, взаимодействующее с окружающей средой, приравнивая его к животному и автомату, а о мире пишут, что «под миром [] можно понимать среду и устройство в их взаимодействии (т. е. мир понимается как пассивная память машины)»⁷.

Эта концепция исходит из очень широкого и неопределенного понимания знака, восходящего к Ч. Персу, при котором знаковыми системами считаются и естественные симптомы тех или иных явлений, следствия их, и живопись, и музыка, и кино, и так далее, вплоть до сознания людей. Что же такое знак? В «Общем языкознании» дается определение, предложенное Л. О. Резниковым: «Знак есть материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета (предметов) и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нем» (стр. 107). Это определение четко, теоретически вполне правомерно и может служить надежной основой для теории. К сожалению, сами авторы «Общего языкознания» не придерживаются его в решении семиотических вопросов. Так, к знакам они относят прежде всего признаки, симптомы; например, повышение температуры при болезни считают знаком болезни. Эта трактовка противоречит приведенному выше определению знака, потому что повышение температуры является не условным заместителем другого явления — болезни, а естественным следствием болезни. В этом случае (как и в обычном примере с дымом, который якобы является знаком огня) причинные отношения отождествляются со знаковыми⁸. Как в природе, так и в обществе всякое явление имеет причинные связи с другими, и если эти связи считать знаковыми, то объектом семиотики оказывается весь мир, т. е. семиотика лишается своего особого объекта и предмета изучения.

С другой стороны, авторы, следуя за некоторыми зарубежными учеными, относят к знаковым системам и классическую музыку (стр. 147), и живопись (стр. 171), что также расходится с данным определением. Непонятно, что является в музыке знаками: отдельные тоны или целые музыкальные фразы; ни одно, ни другое ничего не обозначает и не содержит никакой информации. Классические музыкальные произведения вызывают у людей различные чувства, у некоторых индивидов с этими чувствами могут ассоциироваться какие-то туманные образы, но это не имеет ничего общего с информацией, потому что образы у каждого возникают свои особые, индивидуальные, поскольку они не регулируются никаким кодом. Живопись также не подходит под определение знаковой системы, поскольку она не обозначает, а изображает. В картины, как и в произведения других искусств, могут включаться символы, являющиеся знаками, но вся живопись не состоит сплошь из символов.

⁶ Сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия», М., 1969, стр. 44—45.

⁷ Вяч. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в, Славянские языковые моделирующие семиотические системы, М., 1965, стр. 7.

⁸ Подробнее об этом см.: В. М. С о л н ц е в, Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания, сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 210—211.

Некоторые искусствоведы употребляют термин «информация» в том значении, какое он имеет в кибернетике⁹, т. е. в значении всякого воздействия одной системы на другую (иными словами, упорядоченности, системности, развертывающейся во времени). В искусствоведении это возможно, но практически привело к тому, что данный термин стал нередко употребляться в неизвестно каком смысле и стал орудием не познания, а путаницы. В языкознании же употребление термина «информация» в таком смысле недопустимо, потому что языковые знаки передают информацию в самом обычном смысле (как новое знание).

Если включать в семиотику все без разбора: причинно связанные явления природы, мазки красок в картине, музыкальные тоны, представления, понятия — то семиотика, как выразился В. В. Мартынов, превращается в суррогат теории познания¹⁰ (притом — идеалистический). Чтобы семиотика стала подлинной наукой, она должна исходить из четкого, строго ограниченного понятия знака. А если семиолог хочет быть материалистом, он прежде всего не должен смешивать сознание со знаковыми системами.

Более распространена в советском языкознании точка зрения, что элемент сознания, обозначаемый звуковым комплексом, не есть знак, но он не входит в состав слова; слово есть знак, потому что оно представляет собой только звуковой комплекс в его отношении к элементу сознания, но не единство их. Значением слова является его отношение к элементу сознания, но не сам этот элемент, потому что последний, принадлежа сфере сознания, не может принадлежать языку. Это мнение высказывали А. С. Мельничук¹¹, Л. А. Абрамян¹², А. С. Чикобава¹³, П. В. Чесноков¹⁴ и некоторые др.

Чтобы разобрать эту концепцию, нужно сначала избрать термин для обозначения элемента сознания, обозначаемого словом. В этой связи нередко говорят о понятии, но это очень неточно, потому что слово может обозначать и не понятие, а обобщенный образ, а если и понятие, то подвергнувшееся воздействию семантической системы языка и в сочетании с эмоциональной окраской и стилистическими оттенками. Назовем его концептом.

Что же представляет собой отношение звукового комплекса к концепту, которое, по мнению Л. А. Абрамяна, А. С. Мельничука и других, является значением слова? Если говорить о том, каково оно, то это есть отношение обозначающего к обозначаемому, и таким оно остается во всех без исключения словах. С этой стороны значения всех слов тождественны, и семасиологии нечего делать в языкознании, она должна быть исключена из языкознания и отнесена к наукам о мышлении. Если же, говоря о значении, иметь в виду, к какому именно концепту относится звуковой комплекс, то в этом случае в характеристику значения должна войти полностью характеристика концепта, со всеми его особенностями, как логическими, так и языковыми, и утверждение, что значением слова является отношение к концепту, а не сам концепт, становится пустой игрой в слова. Тогда семасиология остается частью языкознания, хотя она не может изучать отношения звуковых комплексов к концептам, а рассматривает сами

⁹ См., например: М. С. Каган, Лекции по марксистско-ленинской эстетике, Л., 1971, стр. 345.

¹⁰ В. В. Мартынов, Кибернетика, семиотика, лингвистика, Минск, 1966, стр. 23.

¹¹ Сб. «Теоретические проблемы современного советского языкознания», М., 1964, стр. 139.

¹² Сб. «Вопросы общего языкознания», М., 1964.

¹³ Сб. «Язык и мышление», М., 1967, стр. 21.

¹⁴ П. В. Чесноков, Слово и соответствующая ему единица мышления, М., 1967, стр. 64—65.

концепты со стороны тех особенностей, какие они приобретают в системе языка и в процессе речи.

Да и как можно исключить концепт из состава слова, если он имеет чисто языковые особенности, обусловленные структурой звукового комплекса, его отношением к другим звуковым комплексам, существующим в языке, его исторической судьбой? Ведь содержание концепта обусловлено не только понятием о соответствующем предмете, но и отношениями слова к другим, в том числе и отношением словообразовательным. А главное, концепт содержит социальную окраску, органически связанную с исторической судьбой звукового комплекса.

Возьмем к примеру русские слова *девица*, *девушка* и *девчонка*. Они обозначают один и тот же предмет — молодую женщину, но вместе с тем имеют различия в значениях, которые принято называть оттенками. Некоторые люди употребляют еще слово *чувиха*, которое также обозначает молодую женщину, но с еще более сильным оттенком. Что представляют собой эти оттенки? Наилучший из них имеет слово *девушка*. Оно, обозначая молодую женщину, вместе с тем выражает положительное отношение к ней, уважение, симпатию, вследствие чего в последнее время стало применяться при обращении к незнакомой женщине (например, продавщице, официантке, работнице ателье и т. п.). Слово *девица* является признаком официальной речи (иногда — архаизованной), употребляется главным образом в документах, обозначая преимущественно женщину незамужнюю, а *девчонка* выражает фамильярное или пренебрежительное отношение. Обусловлены эти оттенки тем, что слово *девушка* вышло из масс трудового народа, причем там оно имело в прошлом ласкательное значение (в противоположность слову *девка*); *девица* же давно вышло из употребления в народной речи и сохранилось, с одной стороны, в фольклоре (получив здесь ударение на первом слоге) и, с другой стороны (с ударением на втором слоге), в письменности, в последние периоды — в деловой. Оттенок слова *девчонка* обусловлен структурно: оно имеет суффикс уничижительности. А слово *чувиха* производит впечатление грубости, вульгарности, потому что оно вышло из преступной среды. Как видим, различия в значениях данных звуковых комплексов обусловлены тем, в какой социальной среде и в каких контекстах употреблялись длительное время сами звуковые комплексы.

При этом и сам звуковой комплекс воспринимается людьми различно в зависимости от выработавшегося социально оттенка значения. Так, русские воспринимают звуковой комплекс *харя* как безобразный, хотя в самых звуках его нет ничего некрасивого, и вряд ли древние греки считали некрасивым по звукам свое слово *χάρις*, обозначавшее красоту, радость, милость. Все дело в том, что русское *харя*, обозначая лицо, имеет отрицательную эмоциональную окраску. А звуковой комплекс *лик*, который также обозначает лицо (наряду с другими значениями), представляется русским красивым, возвышенным, опять-таки вследствие того оттенка, который имеется в концепте. Это свойство как звукового комплекса, так и концепта, обусловленное социальным бытием слова, имеет очень важное значение: оно является главным фактором, придающим слову эстетическую ценность и делающим его элементом искусства.

Все это говорит о том, что концепт имеет не только логическое содержание, но и языковое, и последнее органически соединено со звуковым комплексом. Очевидно, что концепт нельзя считать явлением неязыковым и на этом основании исключать его из состава слова.

Рассмотренные явления составляют особенности лексического значения слова. Но в слове есть и грамматическое значение. Некоторые грамматические значения представляют собой понятия (или, согласно другой точке

зрения, отношения к понятиям), выработавшиеся в практике людей и только оформившиеся посредством грамматических средств языка, как, например, значения числа, субъекта и объекта, времени. Но есть и грамматические значения иного рода, возникшие в самом языке, в связи с особенностями структуры его знаков.

Возьмем для примера обозначения чисел в русском языке. Главным образом они обозначаются числительными, как *два, три, четыре, пять, десять*, но обозначаются и такими существительными, как *двойка, тройка, четверка, пятерка, десятка*, и такими, как *пяток, десяток, сотня*. В чем разница между ними? Числительные выражают абстрактные понятия чисел, образовавшиеся на основе практики, независимо от структуры языка. Это видно хотя бы из того, что аналогичные обозначения есть во всех языках. Такие существительные, как *тройка, четверка, десятка*, обозначают предметы, характеризующиеся соответствующими числами, например, отметки о знаниях учеников в школе, *тройка* — упряжку из трех лошадей, *семерка, восьмерка, девятка, десятка* — карты в системе карточной игры. Но *пяток, десяток, сотня* выражают не предметы, а именно количество, как можно видеть из таких сочетаний, как *десяток огурцов, сотня лиц*. Однако их значения как-то приближаются к предметным, о чем свидетельствуют такие сочетания, как *первый десяток, второй десяток, лихая сотня* (о сотне бойцов). Они занимают среднее место между такими словами, как *десять* и *десятка*, т. е. имеют предметный оттенок значения. Что же это за оттенок: оттенок представления о числе, т. е. концепта, или же оттенок отношения звукового комплекса к концепту? Очевидно, нужно принять первое. Разграничивать особенности концепта и отношение к ним звукового комплекса в данном случае практически невозможно. Теоретически же нельзя исключить из слов *пяток, десяток, сотня* обнаруженный нами предметный оттенок и отнести его к сфере мышления, потому что он возник и существует только в данных словах, в единстве с их звуковыми комплексами и представляет собой явление чисто языковое. Он возник не в результате обобщения данных опыта, а под влиянием того, что слова *пяток, десяток, сотня* имеют такую словообразовательную структуру и такую парадигму форм, как и названия предметов. Поэтому данное явление не универсально, и в ряде языков (например, тюркских), даже в некоторых индоевропейских (например, в немецком, литовском), аналогичных форм нет.

Грамматических значений, целиком обусловленных структурой звуковых комплексов или комбинациями их, можно найти сколько угодно в любом языке. В русском общеизвестным примером является значение рода у существительных и прилагательных (а также аналогичных им других атрибутивных слов).

Рассмотренные особенности как лексических, так и грамматических значений слов свидетельствуют о том, что концепт принадлежит не только мышлению, но и языку, что он является не чем-то внешним по отношению к слову, а неотъемлемым составным элементом его и что именно его пужно считать значением слов, потому что в противном случае возникают непреодолимые затруднения в семасиологии и грамматике.

Взгляд на значение как на отношение к концепту правомерен при таком понимании языка, как у А. Г. Волкова, т. е. только как системы звуковых комплексов¹⁵. В этом случае семасиология исключается из языкознания. Но чисто языковые свойства семантики и ее глубокая связь со звуковой стороной языка говорят о том, что эта концепция не соответствует действительности. Поэтому нужно отвергнуть мнение А. Г. Волкова,

¹⁵ А. Г. Волков, *Язык как система знаков*, М., 1966, стр. 17.

что слово есть знак, и присоединиться к мнению Т. П. Ломтева, что слово есть единство знака и значения¹⁶. Это относится и к неразложимому словосочетанию.

Существенное замечание по поводу этой точки зрения сделал А. С. Мельничук. Он указал на то, что идеальное не может быть в единстве с материальным¹⁷. Но дело в том, что это единство осуществляется посредством идеального же — звукового образа. А. С. Мельничук отвергает роль звукового образа на том основании, что он вторичен по отношению к реальному звучанию, но вторичность не мешает ему служить соединением между звучанием и концептом. Звучание первично, но оно может служить знаком концепта только благодаря тому, что оно неизбежно сопровождается звуковым образом. А последний составляет единство с концептом.

Если слово есть единство знака и значения, то что же представляет собой язык в целом?

Звуковая сторона языка есть система знаков. Это особая, уникальная система знаков, как показано во многих исследованиях и довольно подробно — в книге «Общее языкознание». Главные ее особенности состоят в том, что ее знаки не существуют сами по себе, как предметы, вне своей знаковой функции, что они не изобретаются, а стихийно возникают в процессе общения, что система в целом универсальна, безгранична в своих возможностях и в связи с этим многоярусна.

В системе значений проявляется мышление народа. В ней оно расчленяется на единицы и между последними устанавливаются закономерные отношения. Именно как значения слов и словосочетаний понятия (и обобщенные образы) связываются между собой в процессе мышления. Следовательно, семантическая система есть форма (или структура) мышления народа. Но в основе этой этнической или национальной формы у каждого народа лежит своеобразно преломленная в ней общечеловеческая структура (или форма) мышления — логическая. Эта двойственность формы мышления с необходимостью вытекает из того, что оно формируется в практике труда (в которой познаются законы объективной действительности и отражаются в законах логики) и в практике общения (в которой мышление связывается с материальными знаками). Итак, язык есть единство особой системы знаков и особой формы мышления.

3. Однако смысловая сторона речи представляет собой не только логические связи понятий. В ней большую роль играют также чувства и воображение. Чисто логическое мышление является содержанием только научных и деловых текстов, а в повседневном общении людей, в художественных произведениях, публицистике, и т. д. нужна еще экспрессия. Когда человек рассказывает о чем-то, ему недостаточно передать точно информацию, нужно еще выразить ее живо, наглядно и эмоционально. Для этих целей возникает в языке особое словоупотребление, создаются особые словосочетания, развиваются особые интонации, создаются даже специальные эмоциональные слова, все новые и новые.

Что же такое экспрессия? Это прежде всего, выражение в речи эмоционального отношения к содержанию сообщения. Однако не всякое выражение эмоционального отношения будет экспрессивным. Если я скажу *Я осуждаю этого человека за его изворотливость и угодливость*, то мое отношение к предмету речи будет полностью выражено, но не экспрессивно¹⁸. Если же я скажу: *Он — проныра и подхалим*, то здесь выражение отношения полно экспрессии. В чем же разница? В первом случае мое

¹⁶ Т. П. Ломтев, О природе значения языкового знака.

¹⁷ Сб. «Теоретические проблемы современного советского языкознания», стр. 136.

¹⁸ Ср.: J. M. V i e s e, Aspects of expression, Helsinki, 1963.

отношение подводится под понятие осуждения и выражается словом *осуждаю*. Во втором случае отношение не подводится ни под какое понятие, а выражается тем, что слова *пронюх* и *подхалим* непосредственно передают чувство отвращения и заражают этим чувством слушателя вследствие закрепившихся за ними в данном обществе психологических ассоциаций. Относительно непосредственное, внепонятийное выражение чувства осуществляется в речи и иными средствами, например, междометиями. К примеру, чувство радости человек может выразить двумя способами: сказать *я радуюсь* или произнести *ах!* с надлежащей интонацией. В первом случае выражается понятие радости, отнесенное к говорящему, во втором радость выражается более непосредственно. По происхождению внепонятийное выражение чувства древнее самого языка. В нем есть элемент образности, наглядности, яркости.

С другой стороны, экспрессия — это образность, наглядность, яркость выражения мыслительного содержания речи. Эта образность обычно бывает связана с эмоциональным отношением. Если, например, человек рассказывает о драке безучастно, он ограничится сухим сообщением (вроде *он его сильно ударил*), но при эмоциональном отношении он выразится образно (например, *он его как двинет!*). Образность речи обусловлена также действием воображения говорящего. Эмоция, выражаемая относительно непосредственно, заражает слушателя.

Итак, экспрессия — это относительно непосредственное (не обобщенное в понятие), эмоциональное выражение внелогических элементов сознания (чувства и воображения).

Как же осуществляется относительная непосредственность выражения? Для этой цели служит, во-первых, социальная окрашенность слов и словосочетаний, о которой речь была выше. Вследствие длительного употребления слова в тех или иных контекстах, в той или иной социальной среде с ним прочно соединяются в сознании говорящих определенные эмоции. Для этого служат также образные выражения, основанные на употреблении слова, расходящимся с его знаковым значением, при котором (употреблении) в воображении людей предмету присваиваются ярко выраженные свойства другого предмета. Это известные с древности метафоры, метонимии, сравнения и т. д. Когда говорят, например, *помчался стрелой*, то сообщают о факте, в котором стрела не участвует, но наиболее яркое свойство ее присваивается в воображении предмету речи. Правда, в данном выражении, вследствие длительного бытования его, данное употребление слова *стрела* стало переходить в одно из его знаковых значений, но вместе с этим оно утрачивает свою экспрессивность. Для выражения эмоций служат также особые эмоциональные слова, междометия, частицы, некоторые синтаксические приемы (обращения, риторические вопросы и др.) и интонация. Эти свойства языка придают речи эстетическую ценность и являются главным фактором, делающим речь материалом искусства.

Играет ли язык такую же роль в чувствах и воображении, как в логическом мышлении, и можно ли считать его особой формой чувств и воображения? Конечно, чувства возникают у человека независимо от языка, и действие воображения не ограничено рамками речи. В этом отношении они отличны от понятийного мышления. Но все же язык придает им некоторые необходимые свойства. Во-первых, посредством языка субъективные элементы сознания возводятся к объективному, на что указал еще В. Гумбольдт¹⁹. Это нужно понимать в том смысле, что явления индивидуальной

¹⁹ В. Г у м б о л д т, О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода, СПб., 1859, стр. 50—51.

психики посредством языка подводятся под социальные категории, включаются в систему общественного сознания (в котором есть элементы общечеловеческие, национальные и социально-групповые). Индивидуальные эмоциональные отношения тогда приобретают всю свою значимость, когда, будучи экспрессивно выражены, приобщаются к социальному опыту и воздействуют на чувства других. Даже наедине с собой человек, если бывает возмущен, или, наоборот, восхищен кем-то или чем-то, чувствует потребность выразить свое чувство экспрессивным словом (вроде *какая тряпка!* или *какая светлая голова!*) и чувствует какое-то удовлетворение, если ему удастся найти меткое эмоциональное слово. Это происходит от потребности включить свое эмоциональное отношение в систему социально выработанных эмоциональных категорий.

Во-вторых, при помощи языка эмоциональные оценки становятся более тонкими, дифференцированными, и возможными становятся различные градации их. Например, в русском языке слова *болтун*, *балаболка*, *трепач*, *трепло* делают возможным разграничить различные степени осуждения слишком словоохотливого человека.

В-третьих, при помощи языка осуществляется и закрепляется сочетание определенных эмоциональных отношений с определенными понятиями в соответствии с социальным опытом народа или социальной группы и, таким образом, чувства, являющиеся неотъемлемым элементом сознания, становятся неотъемлемым элементом языковой формы мышления.

Таким образом, эмоциональное отношение, как неперемный спутник мышления, вместе с ним оформляется и объективируется в речи. Не случайно К. Маркс и Ф. Энгельс называли язык практическим, действительным сознанием (а не мышлением). Это подтверждает и психология. Как показали психологические исследования Л. С. Выготского, сознание есть единство интеллектуальных и аффективных процессов, и таким оно оформляется в речи²⁰.

Эти факты требуют уточнения данного выше определения языка. Язык есть единство системы знаков особого рода и особой формы общественного сознания.

4. Эта сложность языка в семиотическом плане является следствием того, что язык, в отличие от других знаковых систем, есть не только средство общения, но и средство мышления. Нужно при этом заметить, что язык есть средство не только чисто абстрактного мышления, как думают многие, но человеческого мышления вообще.

Б. А. Серебренников в первой главе «Общего языкознания» обратил наше внимание на то, что слова выражают не только понятия, но и инвариантные обобщенные образы (слово «инвариантные» здесь, по-видимому, излишне). С этим вполне можно согласиться, но это не уменьшает роли языка как средства мышления. Обобщенные образы занимают, видимо, небольшое место в семантической системе всякого языка. Если можно признать обобщенными образами значения таких конкретных существительных, как *вода*, *горшок*, *сосна*, *собака*, поскольку в них нет абстракции, то значения не только абстрактных существительных и числительных, но и всех прилагательных, наречий, глаголов являются, по-видимому, понятиями, поскольку в них есть элемент абстракции. Ведь эти слова обозначают признаки, абстрагированные от их носителей. А главное в том, что процесс мышления не делится на клеточки, одни из которых оформляются в словах, а другие — без слов. Это единый процесс, осуществляющийся целиком посредством языка. В образовании обобщенного образа также

²⁰ Л. С. Выготский, Мышление и речь, «Избранные психологические исследования», М., 1956, стр. 54.

участвует слово, при помощи которого образ стабилизируется, приобретает социальную значимость (т. е. становится единым в сознании разных индивидов), включается в систему единиц мышления и вступает в логические связи с понятиями в составе суждения.

Никакая знаковая система не играет такой роли в процессе мышления. В этом отношении приближаются к языку только знаковые системы математики и логики (их и называют нередко языками), но поскольку они не являются языками в полном смысле этого слова, они служат средством мышления только для индивидуумов, занимающихся соответствующими науками, только в узких пределах этих наук и притом в сочетании с естественным языком, родным для данного индивидуума. Это основное отличие языка от чисто знаковых систем порождает ряд других отличий, тоже существенных, прежде всего — противоположность языка и речи и закономерное развитие языка, не зависящее от воли людей.

Ничего подобного нет в чисто знаковых системах. Отношению языка и речи в знаковых системах соответствует отношение кода и сообщения, но это — совершенно иное явление. В знаковом сообщении бывает только то, что предусматривается кодом, а в речи бывают и индивидуальные особенности, не содержащиеся в системе языка, и постоянно возникает что-то новое, причем возникает стихийно, неудержимо и в конечном итоге приводит к изменениям в языке. Все это обусловлено связью языка с мышлением. Выразить мысль при помощи языка — это значит додумать ее до конца, придать ей то или иное строение. При этом в мысли бывают элементы воображения, чувства, воли, которые требуют экспрессии в речи, а экспрессия не может полностью содержаться в системе языка, она развивается и обогащается в речи. Вследствие всего этого речь не может быть автоматическим применением кода, она требует творчества от человека, что и придает ей индивидуальные особенности.

Этим же обусловлено стихийное развитие языка, по объективным законам. Сознание непрерывно развивается, и поскольку оно реализуется в языковой материи, оно не может ждать при всяком изменении, когда будут созданы искусственно нужные для выражения новые знаки, и вынуждено приспосабливать для своего выражения то, что есть в языке, выбирая наиболее подходящее и видоизменяя его нужным образом. Происходит это по законам психологических ассоциаций и поэтому независимо от воли отдельных людей. Это лежит в основе развития языка.

Подход к языку как к чисто знаковой системе, как к коду вызывает непреодолимые теоретические затруднения. Это ясно показал один из сторонников теории языка как кода Р. В. Пазухин. Рассматривая язык как код, он видит необходимость объяснить универсальность его, способность к бесконечному, ничем не ограниченному обозначению элементов сознания и действительности, и не находит решения этого вопроса. Объяснение этого свойства языка развитием его, по мнению автора, не решает вопроса. «Однако гипотеза языковой „открытой системы“ порождает наряду с тем существенную трудность, которую она пока не способна объяснить. Она оставляет необъясненным вопрос, почему неограниченное знакопроизводство не ведет к нарушению взаимопонимания между собеседниками. Ведь носители языка лишь в исключительных случаях располагают возможностью предупреждать друг друга заранее о значении вновь образованных знаков»²¹. В действительности универсальность языка есть результат именно его развития, но последнее не есть искусственное изобретение знаков. Если обычные знаки создаются отдельными индивидами и для

²¹ Р. В. П а з у х и н, К определению универсального кода, ВЯ, 1969, 5, стр. 63—64.

понимания их другими нуждаются в коде, то языковые знаки создаются всем обществом стихийно и не нуждаются в коде, потому что они являются естественным продуктом развития сознания. Взаимопонимание обеспечивается общностью психологических ассоциаций у людей, общностью материала языка и образцов для новообразования у индивидов, принадлежащих к одному языковому коллективу, и подкрепляется оно таким важным свойством языковых знаков, как сочетаемость и соотнесение с внеязыковой ситуацией. Отсюда проистекают особые свойства языковых знаков: стихийность появления их, развитие по объективным законам, постоянное варьирование, постоянный сдвиг между знаком и значением, происходящий в речи, многозначность, важная роль сочетаемости.

Изложенное выше вовсе не означает отрицания семиотического (и связанного с ним структурного) подхода к языку. В языке содержится знаковая система, и хотя она имеет особый характер, семиотический подход к ней правомерен и практически эффективен. К тому же все сказанное выше относится только к естественным языкам. Искусственные же языки суть обычные знаковые системы. И в культурно развитых естественных языках есть элементы обычных знаковых систем: это искусственно создаваемые системы специальной терминологии. Но семиотический аспект не раскрывает сущности языка. Сущность раскрывается совокупным действием семиотического, социологического и менталистического аспектов языкознания. Пришло время осуществить синтез подхода к языку как к системе знаков, провозглашенного де Соссюром, и подхода к нему как к элементу общественного сознания, восходящего к Гумбольдту.
